

УДК 94(4/9).03.29
ББК 63.3

ОСОБЕННОСТИ СЕКТАНТСТВА ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В.А. Плоткин

В статье анализируются особенности старого русского сектантства на территории Пензенской губернии. Рассматриваются экономические и социальные факторы, способствующие распространению сект, меры по отношению к сектантам, принимаемые правительством и местными властями для увещевания и возврата сектантов в православие, а также меры репрессивного характера.

Ключевые слова: *сектанты, молокане, духоборцы, жидовствующие, хлысты, духовное увещевание, официальная церковь.*

Сектантство в Пензенской губернии в первой четверти XIX начале – XX в. было представлено такими сектами, как жидовствующие, молокане, хлысты.

Происхождение секты молокан связывают с именем дворового крестьянина Тамбовской губернии Семена Уклеина, который в XVIII в. привел в некую систему разрозненные духоборческие идеи, существовавшие в обществе с XVI века.

Наименование секты происходит от отрицания православного взгляда на пост – сектанты в пост употребляли молоко. Сами пензенские молокане называли себя «истинно-духовными христианами» и объясняли, что пьют «словесное молоко» [1, с. 281–282].

Исследователи молоканства расходятся в вопросе о его тождественности или нетождественности духоборству. Так, А.И. Клибанов считал молоканство и духоборчество различными сектами, хотя близкими по своему учению и обрядам [8, с. 85]. По его мнению, молокане менее радикальны, так как они не отвергали такие догматы православия, как Троицу, моления за умерших, часть таинств. В молоканстве, по мнению Клибанова, меньше и социальных мотивов.

Другой точки зрения придерживался Н.М. Никольский. По его мнению, «между той и другой сектой много общего, и мелкие различия объясняются их совсем одинаковым социальным составом и различными условиями быта... разделять друг от друга эти столь тесно связанные секты вряд ли удобно и возможно» [10, с. 200].

Точки зрения, согласно которой духоборцы и молокане – суть одно и то же, придерживались православные исследователи и миссионеры XIX – начала XX века. В качестве доказательства этого приводился следующий довод – духоборы, как известно, отрицали мирские законы, считая, что они искажают вероучение. Один из основателей молоканства Уклеин в своем обряднике писал: «Основанием нравственной жизни истинного христианина должна быть совершенная свобода и независимость ни от каких человеческих законов и принуждений. Власть людей не должна быть над теми, в которых вселилось учение Христова. Мирские власти благодетельны на земле и постановляются богом, но только для сынов мира; а господь сказал о христианах: они не от мира, как и я не от мира... поэтому для духовных христиан, которые не от мира, мирские власти не нужны...» [6, с. 55–56].

Таким образом, в основе учения молокан и духоборцев много общего, в том числе отрицание светской власти, а также отрицание большинства православных догматов.

Кроме вышеназванного отрицания светской власти в основе молоканского учения лежит признание Библии как единственного источника богопознания, причем то, что буквально в ней не выражено, молоканами не признается, не признаются и «предания и творения отцов греко-российской церкви» [7, с. 183].

Себя молокане считали восстановителями древней апостольской церкви, ранее существовавшей скрытно [1, с. 350–351].

Правительство относилось к молоканам настороженно, вводя для них целую серию запретов. Так, согласно правительственному распоряжению от 13 февраля 1837 г. молоканам запрещалось: 1) «записываться в купеческие гильдии, кроме прежде записанных, но и этим последним запретить переход в высшие гильдии»; 2) переходить в городское общество из крестьянского, «хотя бы они получили свободу от помещика», а «приписанным к городскому обществу... в другие общества»; 3) «иметь православных в услужении в домах, на фабриках и других заводах» [30, с. 241–242]. В 1842 г. последовал именной указ, воспрещавший молоканам «приобретать крестьян от людей им равных» [26, с. 237].

По поводу распространения молоканства в Пензенской епархии мнение местных представителей официальной церкви разделялось. Так, протоиерей И. Бурлуцкий считал молоканство вообще не характерным для Пензенской епархии, а представителей его почти не существующими. Другой точки зрения придерживался священник Н. Быстров, считавший, что Бурлуцкого ввела в заблуждение крайняя скрытность и осторожность молокан. Быстров приводил свои собственные наблюдения и наблюдения многих знакомых ему священников. По их словам, во многих селах Мокшанского уезда можно встретить молодых людей, причем непременно молодых, которые пропагандируют молоканское учение. Делают это они очень осторожно, заявляя, что открыто заявить о себе им еще преждевременно, так как их вера пока еще преследуется. На вопрос крестьян, когда же придет их время, они отвечают: «...в скором времени молоканам будут даны правительственной властью разные льготы, потому что в истинности их учения начинают убеждаться многие высокопоставленные особы. Вот тогда-то

мы с торжеством и откроем миру истинную веру» [18, с. 2].

Распространение в Мокшанском уезде молоканства, или, как его называют местные крестьяне, «голяшничества» (во время некоторых обрядов молокане снимают с себя всю одежду, кроме длинной белой рубахи), связано с уходом многих местных жителей за Волгу на заработки. Там крестьяне нанимаются на работу к зажиточным сектантам: штундистам, молоканам и так далее, зачастую попадая под их влияние. Как писал Н. Быстров, «...приходят наши работники домой, и рассказывают односельчанам о привольном житье-бытье за Волгой, о том, что там постов-де не соблюдают, живут по особой, легкой и приятной вере» [там же, с. 6]. По возвращении домой Пензенские молокане уже не прерывают сношений с молоканами других губерний, например, станицы Песковской Воронежской губернии. По мнению все того же Н. Быстрова, поддерживаемого большинством представителей официальной церкви, молоканство в Пензенской епархии находит благоприятную почву, и причины тому четыре.

Во-первых, молоканство проповедует полную свободу действий, молоканин должен жить по духу Евангелия, как он его сам понимает. Это особенно привлекает молодежь – нет постов и долгих молитв, выговоров со стороны священников за неправильное поведение.

Во-вторых, православные священники бывают в деревнях своего прихода всего несколько раз в год, остальное время находятся при храме приходского села. Да и пребывая в деревне, не имеют общения с крестьянами, кроме отправления накопившихся обрядовых треб. Поэтому молокане, часто и запросто общаясь с народом, имеют на него больше влияния.

В-третьих, низкий уровень религиозно-нравственного развития крестьян. Крестьянин, посещая храм, ставя свечи, не работая в воскресенье, делает это не по глубокой вере, а в силу привычки, привитой с детства. Поэтому, не имея осмысленного отношения к религии, легко поддается на агитацию представителей той секты, учение которой привлечет его не обыденностью, легкостью, правильностью или каким-либо другим аргументом.

И в-четвертых, сельская интеллигенция способствует если не распространению сектан-

тства, то отвержению от православия тем, что относится к нему или поверхностно, или с явным пренебрежением. В результате крестьяне заявляют, что «умные люди, даже господа живут не как велят попы» [18, с. 12].

Последняя причина была особенно характерна для общероссийской ситуации, когда даже обер-прокурор отмечал: «Из образованного класса... во многих стали обнаруживаться признаки холодности к вере и недостаток благоговейного внимания к церковным постановлениям. Прискорбнее всего, что примеры вольномыслия и холодности ко всему церковному действуют вредно на необразованный класс» [4, л. 28].

Для устранения этих причин власти принимали различные меры, прежде всего это преодоление у духовенства «...кастовой организации и замкнутости... в отношении его прав и обязанностей» [там же, л. 73] и развитие в народе соревнования по изучению церковности в надежде, что это «возвысит дух его, укрепит в вере и положит в самом народе преграду соблазнам и поискам иноверных пропаганд...» [5, л. 75].

Молокане жили и в некоторых деревнях и селах Чембарского уезда. По документам Пензенской духовной консистории, в деревнях Чембарского уезда проживало 247 молокан [27, л. 6].

В Наровчатском уезде в селе Ново-Покровском пропагандой молоканского учения занимался экономический крестьянин Иосиф Федоров. Являясь наставником местных молокан, он отправлял их требы до тех пор, пока протоиерей Петр Волинский не донес на него за венчание Дорофея Артемова со Степанидой Ивановой. Так как один из венчавшихся был православным, то за соращение в раскол Федоров был приговорен к ссылке в Сибирь на поселение, но затем приговор был изменен на выселение в Таврическую губернию.

В селе Михайлово Краснослободского уезда к секте молокан принадлежало 9 семейств, то есть 37 мужчин и 39 женщин. Наставником являлся крестьянин этого села Василий Никитин, отправлявший все необходимые требы: венчание браков, погребение мертвых и т. п. Для расследования дела и выяснения степени опасности местных молокан для соращения православных сюда был направ-

лен чиновник поручений от гражданского губернатора Кейпина, который подтвердил сведения о наличии 76 молокан. Причем, по замечанию Кейпина, многие из них были прежде православными и вступили в молоканскую секту после работы в Саратовской губернии, а затем совратили и других. Следствие выявило 8 молоканских семей, в 9-й молоканином оказался один Никифор Марков; так как молокане отказались вернуться в греко-русскую веру, то были отданы на увещание духовному начальству к обращению в православие. Все михайловские сектанты были предупреждены, что если они останутся в своем заблуждении, то с целью предотвращения возможного склонения и прочих крестьян в секту, на основании решения Государственного Совета от 1 июня 1821 г., будут переселены в Таврическую губернию на Молочные Воды [28, л. 11].

В Краснослободском уезде кроме села Михайлова молокане проживали в деревнях Патровка и Гавриловка, причем, как следует из письма Оренбургского гражданского губернатора Пензенскому гражданскому губернатору, некоторые крестьяне этих деревень занимались соращением в молоканскую секту жителей различных уездов Оренбургской губернии. В связи с этим Оренбургский губернатор выслал 8 крестьян обратно в Пензенскую губернию, присовокупив высылку просьбой отдать их под суд [23, л. 3].

Информация о молоканах Керенского уезда, села Кандеевки, помещиках Волковых дошла в 1839 г. до обер-прокурора Священного Синода. Приходское духовенство пыталось самостоятельно увещать местных молокан, но когда их старания не увенчались успехом, вотчинный Бурмистр села Кандеевки донес о них уполномоченному по имению малолетних дворян Волковых, родственнику их, шталмейстеру Двора Его Императорского Величества графу Вильгорскому. Тот в свою очередь ходатайствовал перед обер-прокурором о сообщении Пензенскому епископу, дабы последний принял все необходимые меры [14, л. 2].

По указанию епископа в Кандеевку был командирован Нижне-Ломовский протоиерей Тянгинский, выяснивший, что в Кандеевку молоканская ересь попала из бывшего имения графа Разумовского, Чембарского уезда,

деревни Высокой, находящейся всего в 7 верстах от Кандеевки. В данной деревне проживал «лжеучитель», крестьянин Ефим Шкинев, который неоднократно тайно бывал в Кандеевке и «простодушных крестьян» склонил в свое заблуждение. Далее Тянгинский докладывал, что у Кандеевских молокан теперь появился свой лжеучитель, Иван Благоев, изъявивший желание, оставив дома жену, посвятить себя молитве. Этот крестьянин по негласному разрешению Вотчинного начальника устроил близ церкви келью, объявив себя духовным христианином и юродивым, тем самым соблазнив многих крестьян, так как пользовался у них уважением. В качестве других молокан, соблазвивших своих односельчан, назывались крестьяне Петр Иванов, его сыновья Федор и Аристарх, а также крестьянин Петр Конобийцев [15, л. 3].

Дело о Кандеевских молоканах было передано в Керенский уездный суд, в результате по приговору суда всех мужчин – молокан, годных в солдаты, предписывалось отправить в Кавказский корпус, а при неспособности к службе переселить в Закавказские провинции вместе с женами. Петра Конобийцева и Петра Иванова с сыновьями дополнительно наказать плетью. Тех же, кто вернется в православие, оставить на прежнем жительстве [14, л. 8–10].

Таким образом, власти использовали уже испытанный способ искоренения секты в какой-либо местности – выселение сектантов на окраины империи либо призыв их в войска, опять же расквартированные на окраинах страны. Характерно, что при переселении молокан власти тщательно следили за их этапированием. Губернатор той губернии, откуда высылались молокане, уведомлял гражданских губернаторов тех губерний, через которые молокане проезжали, о необходимости их незамедлительной отправки по назначению [13, л. 2].

Одним из главных центров распространения молоканства в Пензенской губернии было крупное село Андреевка, опять же находящееся недалеко от Чембара (в 27 верстах). Указом от 22 апреля 1892 г. в Андреевке был открыт самостоятельный приход, причиной же, пробудившей Пензенское Епархиальное начальство ходатайствовать перед Синодом об этом, послужило распространение молоканства. Мо-

локанство проникло сюда еще в 1790 г., когда владелец Андреевки полковник Валериан Митьков переселил сюда из своего имения – села Круглова, Ардатовского уезда, 30 семей неизвестно какой секты [19, с. 44].

Около 1808 г. переселенцы Фрол Красотов и Михаил Обухов по поручению помещика были отправлены в Сердобский и Балашовский уезды, где к тому времени молоканство уже имело место. В Беловке, Сердобского уезда, Саратовской губернии, они встретились с односельчанином Алексеем Обуховым, двоюродным братом Михаила, где он жил в батраках у одного из местных молокан. Приезд их в Беловку не был первым, и каждый раз Алексей с хозяином деятельно и успешно обращали гостей в «духовное христианство». В этот раз в Андреевку они вернулись вместе с Алексеем, принеся с собой несколько экземпляров Библии и рукописный молоканский обрядник. Таким образом, Алексей и Михаил Обуховы и Фрол Красотов были первыми носителями молоканства в Андреевке. Их деятельность была прервана помещичьим старостой Пулиным, который, не приемля любого сектантства, сдал их в солдаты. Во время Отечественной войны 1812 г. они, чтобы не участвовать в военных действиях, что противоречило их учению, бежали и скрывались в молоканских деревнях Саратовской и Тамбовской губерний с заграничными паспортами, которыми их снабдили единоверцы [там же, с. 46].

Благодаря указу 1814 г., который, по случаю окончания войны, значительно облегчал возвращение на родину беглым людям, они вернулись в Андреевку. После возвращения они вновь начали пропаганду молоканства, в чем очень преуспели. Тому, что гражданские власти практически не преследовали Андреевских молокан, способствовали помещик полковник Митьков, дороживший ими как наиболее зажиточными и смышленными из крепостных, и Щепотьевский помещик, лютеранин Франц-Турнер. Благодаря им Андреевские молокане избежали преследований даже во времена Николая I, при котором в 1839 г., 17 февраля, был издан указ, по которому молокане относились к наиболее вредной секте отвергающих «...вековые догматы, исповедуемые Государственной Церковью» и «нарушающие общественное спокойствие» [11, с. 146].

Об укрывательстве местными помещиками молокан говорит тот факт, что когда священник Иосиф Щепотьев указал помещику на распространение молоканства в Андреевке и просил содействовать в привлечении их в православие, то получил в ответ заверение, что молокан в Андреевке нет. В ответ на это Щепотьев отослал донесение в Пензенскую духовную консисторию, что Андреевские молокане, нарушая запрет на внешнее «оказательство» секты, днем, публично соблазняя православных, собираются в избы по 50 и более человек, производя громкогласное пение. А когда молокане хоронят своих сектантов, то «несут гроб покрытый дорогой материей, спереди и сзади гроба идут более 100 человек» [24, л. 8]. Духовная консистория в ответ на это посчитала необходимым сообщить гражданскому начальству.

К тому же, как было сказано выше, в ответ на распространение в их селе молоканства православная часть жителей обратилась с просьбой к руководству Пензенской епархии об открытии в их селе самостоятельного прихода, что и было сделано. В 1892 г. новый Андреевский священник – студент семинарии Евграф Доброхотов вышел с прошением к Преосвященному Митрофану о разрешении ему с землевладельцами братьями Дамианом и Степаном Земсковыми, сельским учителем Василием Земсковым открыть 8 сентября 1892 г. в здании Андреевского земского народного училища курсы противомолоканской беседы. На прошение последовала резолюция: «вести беседы противомолоканские разрешаются и благословляется... Вести журнал бесед, в который записывать предмет бесед, время, число посетителей и особые случаи» [19, с. 50]. Для образования в Андреевке православной библиотеки Преосвященный Митрофан ходатайствовал перед Синодом о высылке книг для умножения знаний священников и для чтения простому народу. Ходатайство было удовлетворено, и из Хозяйственного управления при Синоде были получены 29 наименований книг. Одновременно продолжало действовать распоряжение Министерства внутренних дел о запрещении и изъятии молоканских книг, в особенности вредной и наиболее тайно распространяемой считалась книга «Вероисповедание духовных христиан,

обыкновенно называемых молоканами». Еще в 1866 г. Пензенским властям было направлено письмо от министра внутренних дел Статс-секретаря Валуева о том, что Санкт-Петербургский Духовный цензурный комитет книгу под названием «Вероисповедание духовных христиан, обыкновенно называемых молоканами» признал безусловному запрещению, как заключающую в себе «умствования и мнения противные учению, содержанию Русской Православной Церковью о Боге, Святых Таинствах и обрядах в выражениях оскорбительных и даже богохульных» [2, л. 9].

Услугами образовавшейся библиотеки пользовались преимущественно православные жители села, то есть поставленной цели – привлечь молокан в православие – достигнуть не удалось. За три года, то есть до 1895 г., из 740 молокан (355 мужчин и 385 женщин) к православию присоединилось лишь 4 человека (3 мужчины и 1 женщина).

Близкими с молоканами по своему отношению к официальной церкви были члены секты жидовствующих. Причина этому, по мнению многих исследователей, в том, что секта жидовствующих образовалась при смешении учений иудеев и молокан.

Жидовствующие делились на два толка: жидовствующие-караимы и жидовствующие-талмудисты. Первые признавали источником вероучения одну только Библию, вторые руководствовались в своей религиозной жизни еще и талмудом. Между обоими толками много общего: признание лишь Ветхого Завета, отрицание троичности лиц в Боге и божество Иисуса Христа, совершение обрезания, празднование субботы, отрицание христианских таинств и иерархии [25, с. 26–27].

Последователи секты жидовствующих находились в Пензенской губернии в селах Аристовке Городищенского уезда, Шеняпино (всего 4 сектанта) и Студенке (47 мужчин и 48 женщин) Чембарского уезда и селе Покровское Наровчатского уезда (69 мужчин и 60 женщин) [12, л. 5–6].

В источниках встречается более или менее подробная информация только о жидовствующих села Аристовки. О сектантах других трех сел встречаются данные только в письме Пензенскому гражданскому губернатору Федору Петровичу Лубяновскому из Пензен-

ской духовной консистории [12, л. 5–6]. Вероятнее всего, в консистории допустили смешение сведений о сектах молокан и жидовствующим, так как известно, что в вышеназванных селах большинство жителей относилось к молоканам.

По данным, опубликованным в Пензенских епархиальных ведомостях в 1894 г., данное учение было занесено из села Сызгана Симбирской губернии, с которым жители Аристовки имели давние торговые связи. Сами сектанты во время беседований с православными миссионерами утверждали, что уклонились от церкви самостоятельно, без какого-либо влияния со стороны. А причиной уклонения послужило чтение Библии, в которой, по их мнению, есть свидетельства, противоречащие православной вере. Прежде всего, это свидетельства о необходимости обрезания, праздновании субботы и превосходстве Моисеева закона над Христовым [21, с. 637–638].

Официально секта обнаружена в 1891 г., причем о своей принадлежности к ней заявило 6 семей [22, с. 366].

В этом же году против сектантов в Окружном суде было возбуждено уголовное дело. В ходе следствия жидовствующие заявили, что они только сомневаются в истине православия, и поэтому желали бы побеседовать о вере с миссионерами. Вероятнее всего, подобное заявление имело своей целью избежать наказания, но, тем не менее, суд постановил передать дело в ведение Епархиального начальства для увещевания со стороны миссионеров.

Весной 1891 г. в Аристовку прибыли миссионеры, заявившие впоследствии, что показания сектантов в Окружном суде были неискренними, так как они, находясь под влиянием людей из села Базарного Сызгана Симбирской губернии, убеждены в истинности своих верований. Возмутило миссионеров, что руководитель секты крестьянин Гушин публично поносил Церковь и ее обряды, отрицал необходимость празднования воскресения, Святую Троицу, убеждая, что надо верить в единого Бога, так как в Писании везде говорится от лица единого Бога. Бог, по мнению Гушина, вечен, а Иисус Христос родился от девы во времени.

В результате Гушин был вновь предан суду и осужден по 2-й части 182-й статьи

Уложения о Наказаниях к аресту на 3 месяца [21, с. 640].

Еще более жесткую позицию занимали власти по отношению к секте хлыстов. Само название секты происходило от обычая хлыстов на своих радениях избивать себя веревками или скрученными полотенцами, крича: «Хлыщу, хлыщу Христу» [27, с. 168]. Учение хлыстов значительно отличается от православного. Так, хлысты не признают Христа как ипостась Святой Троицы, считая его рожденным естественным образом, но за беспорочную жизнь и чистоту сердца в него вселился своим духом Сын Божий. «...Таким образом Его сыновство Богу есть нравственное. Он не искупитель мира, а только нравственный учитель и законодатель своего времени» [3, с. 675]. По мнению хлыстов, подобно тому, как Сын Божий воплотился в Иисусе Христе, он может воплотиться и в других людях. «Он – Христос пречистой Своей плоти подвиг земной кончил, а в других плотях избранных Он еще кончает, а в иных плотях избранных Он еще начинает», – поют хлысты в своих распевцах [там же].

Для того чтобы войти в непосредственное соединение с Богом, необходимо самоотвержение через умерщвление плоти как источника зла. Умерщвление происходит путем отказа от супружества, мяса, табака, вина, богатства, славы, даже своей памяти и способностей через пост и радение с самоистязаниями. Радения они называли делом Божиим и духовной баней. Кроме самобичевания радения состоят в разного вида кружениях и беганиях, часто доводящих до полного исступления и изнурения. В это время, по учению хлыстов, на радеющих изливается Святой Дух и изрекаются пророчества. А.П. Доброклонский утверждает, что иногда такие радения заканчивались свальным развратом, которому хлысты придавали священное значение, считая, что этим истребляют грех, так как дети, зачатые от свального греха, происходят не от крови и хотения плоти, но от Бога.

Сектанты, именуемые хлыстами, были замечены официальными властями в Пензенской епархии в селах Селикса и Чемодановка в начале 60-х гг. XIX столетия. Возможно, они существовали здесь и ранее, но скрытность их обрядовой жизни не позволяла привлечь вни-

мание властей. В 1860 г. двое крестьян села Селиксы и несколько сектантов из Чемодановки, отправившись на заработки в Саратовскую губернию, познакомились там с «учителем веры» крестьянином Яковлевым, также относящимся к хлыстам. Общение с ним произвело большое впечатление на пришедших, по возвращении к себе они активно занялись пропагандой своего учения, что и привлекло внимание властей. Характерно, что русское население Чемодановки оказалось восприимчивее к пропаганде сектантов, чем Селиксинская мордва. Но двукратное попадание одного из наиболее видных чемодановских сектантов в тюрьму уронило в глазах населения авторитет «вероучителей», и хлысты стали преобладать в большей мере в Селиксе.

Главным руководителем местных хлыстов стал крестьянин Степан Чушкин, также бывавший на заработках в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Вернувшись оттуда, он выдавал себя за пророка, говоря, что дар пророчества получил от крестьянина села Березовки Карпа Григорьева. Чушкин стал руководителем хлыстов Селиксы, которые давали ему средства для периодических поездок к Тамбовским наставникам, добыли ему рекрутскую квитанцию, чтобы освободить от воинской повинности. Активность Чушкина привлекла внимание властей. Узнав об этом, хлысты стали держать себя скрытнее, стараясь ничем не выделяться из среды православных.

Внимание, вновь привлеченное к селиксинским хлыстам, связано с крестьянами Моисеевой и Балашовым. Моисеева попала после замужества из православной семьи в сектантскую. Новые родные стали понуждать Моисееву к своей вере, чем только подтолкнули ее к желанию посоветоваться с православным священником, которым оказался священник Перов. Балашов же, сам бывший сектант, перешел в православие и для укрепления в нем много общался с тем же И. Перовым. В результате общения с Моисеевой и Балашовым священник И. Перов достаточно подробно изучил социальную базу хлыстов и особенности их учения [17, с. 537–538].

Перов указывал на скрытность хлыстов как на самую характерную их черту. Свою обрядность они скрывают даже от пожела-

вших присоединиться к ним; так, новичков испытывали по полгода. Через полгода новичка отправляли к какому-либо наставнику в село Переезд для семидневного строгого поста, необходимого для обряда присоединения. Отмечая строгие аскетические правила у хлыстов, Перов, тем не менее, опровергает расхожие слухи о том, что новообращенный сектант должен расписаться собственной кровью, обязан выстрелить в изображение Христа, так как хлысты не признают икон. Перов считал вымыслом и то, что у хлыстов якобы используется свальный грех, или наоборот, что хлысты разжигают в себе плотские желания, но от самого совокупления воздерживаются, считая это великим подвигом.

Руководители Селиксинских хлыстов именовали себя пророками, брались открывать будущее. Иногда подобные предсказания имели своей целью единственно наживу. Один из таких пророков рассказывал Перову при свидетелях, что «более щедрым предсказывал счастье, скупым грозил невзгодами» [17, с. 14].

При наблюдениях за образом жизни хлыстов Перов обратил внимание на то, что секта комплектовалась в основном за счет бедноты, представители которой вскоре поправляли свое материальное положение, происходило это в основном за счет взаимопомощи. Это способствовало распространению секты и бракам сектантов с православными девицами из бедных семей. Последние, естественно, переходили в секту.

Балашов в своих рассказах многое открыл о происхождении местной секты хлыстов. По его словам, Чушкин учил, что первый наставник секты был некто Аввакум Иванов, уроженец Кирсановского уезда; при нем были апостолы Перфил Петров, крестьянин села Перевоза, Федор Памфилов, крестьянин села Афанасьевки, и богородица Анисья Ивановна. Апостолы после смерти учителя разделились на различные толки, Чушкин принадлежал к толку Анисьи Ивановны. Анисья Ивановна учила, что каждый может, сподобившись Духа Святого, стать пророком, Богородицей или Христом. В ком Дух святой, тот спасется без Церкви, таинств и обрядов, с того достаточно молитв, покаяния и воздержания. Покаяние у хлыстов со-

вершается публично в собрании своей секты, и если откроется невысказанный грех, на виновного накладывается епитимья. Священник С. Пономарев приводит пример таковой: «привязывают обличенного за шею веревкой и заставляют ползать на четвереньках, прося у присутствующих сектантов прощения. Пророк, который ведет его, предлагает каждому “купить медведя”. Если найдется охотник дать за виновного выкуп, в виде известного числа поклонов или продолжительного поста, то “медведя” отпускают. В противном случае он должен сам нести за себя наказание» [17, с. 16].

Браки сектанты заключают в православной церкви, но затем проводят еще свое духовное венчание. Мужья с женами живут вместе, но супружеского общения почти не имеют. Так, в конце XIX столетия у сектантов Чемодановки за 15 лет не было ни одного деторождения, а в Селиксе за 7 лет от 120 человек было 4 рождения детей. Детоубийств у сектантов замечено не было. Приведенные данные позволяют сделать вывод, что выше-названные сектанты относятся именно к хлыстам, хотя сами себя они называют чистыми голубчиками [9].

Возможно, в Пензенской губернии хлысты были и в других местностях. В этом отношении определенный интерес представляет донос для разбора в канцелярии гражданского губернатора дела об открывшихся в 1845 г. в доме казенного крестьянина города Мокшана Гаврилы Дивеева противозаконных сектантских сборищах [16, л. 3]. В доносе говорится, что в доме выше-названного крестьянина происходят «сборища лиц обоего пола», называющих себя Духовным братством и производящих соблазнительные поступки по совету православного священника Мокшанского уезда села Свинухи (Нечаевка) Афанасия Кирилова. В данном доносе нет прямой информации, что собирающиеся относятся к хлыстам, но по некоторым признакам такой вывод сделать можно, тем более что священник Афанасий не отправлял у них треб, характерных для староверов-поповцев, являясь скорее духовным наставником. Известно, что крестьяне собирались по субботам и воскресениям, занимались чтением духовных книг и пением,

расходясь потом парно «мужчина с женщиной или девкой». Затем они «ложились вместе, но не для плотского совокупления, а для испытания терпения и усмирения плотской похоти». К секте принадлежало 13 домов. Афанасий Кирилов обучил несколько девушек церковному пению и разъезжал с ними по селениям, в том числе к отставному гвардии поручику Плещееву, в доме которого тоже устраивали сборища.

Уголовная палата, разбиравшая данное дело, решила двоих крестьян за сборища в их домах выдержать по 2 месяца в тюрьме, еще двоих крестьян и двух девушек предать церковному покаянию, остальным сделать внушение. О гвардии поручике Плещееве поставить в известность уездного предводителя дворянства и дворянское депутатское собрание. О дальнейшей судьбе священника Афанасия Кирилова известно из донесения Пензенскому земскому исправнику: «...священник о. Афанасий... заключен в монастырь» [16, л. 2].

Тот факт, что в отношении большинства Нечаевских сектантов власти ограничились внушением, говорит об умении хлыстов скрывать свое истинное отношение к православию, при необходимости демонстрируя внешнюю преданность ему.

Православную церковь хлысты считали не истинной, ее таинства суть прообразы хлыстовских радений, поэтому-то хлыстам не возбранялось посещать православные храмы и участвовать в богослужениях. Однако истинно духовные христиане только хлысты, «...православные же злые люди, неверный народ, житейский род, тати и злые хищники; правительство и православное духовенство черные враны, кровожадные звери, злые волки, безбожные иудеи, злые фарисеи» [3, с. 677]. На практике подобная враждебность, как уже было сказано, маскировалась почтением к духовенству и церкви.

Процесс формирования Пензенской епархии происходил практически одновременно с завершением колонизации русским населением территории Поволжья и с проникновением на данную территорию старых русских сект и различных согласий старообрядчества. Именно колонисты, сектанты и старообрядцы, начали активно создавать свои общины на вновь осваиваемой территории и не менее

активно привносили свои взгляды в среду местного населения. Быстрому распространению их в Пензенской губернии способствовали несколько факторов.

Во-первых, преследования старообрядцев и сектантов, усилившиеся после подавления бунтов в Соловках (1676 г.) и Москве (1682 г.) и особенно ужесточившиеся при Петре I и его преемниках, вынуждали их искать убежище на окраинах России, в том числе и на покрытой труднопроходимыми лесами территории Пензенской губернии.

Во-вторых, данная территория привлекала сектантов и раскольников не только географическими особенностями, но и отсутствием устоявшихся православных традиций, то есть своей плюралистической культурой, толерантной к религиозному инакомыслию.

В-третьих, постоянные изменения в структуре Пензенской епархии, управлении ею сужали возможности православного духовенства по сдерживанию деятельности старообрядцев и сектантов.

На смену этим факторам, способствовавшим распространению раскола и сектантства в конце XVII – начале XIX в., в первой четверти XIX в. приходят другие. Так, пропагандисты сект, пользовавшиеся среди односельчан уважением как люди умные, толковые и, главное, богатые, помогали друг другу в материальном отношении, тем самым привлекая к себе бедноту. Зажиточность сектантов была причиной того, что многие помещики, дорожившие ими, скрывали сведения о секантах от властей.

Оживление предпринимательства, отхожих промыслов, начавшееся в 60-х гг. XIX в., значительно ускорило распространение сектантства в Пензенской губернии. Оставаясь до самого конца XIX в. религиозно замкнутыми, представители данных христианских конфессий активно экономически взаимодействовали друг с другом. Пенза, Саратов, Астрахань, Тамбов, Самара, Царицын были теми городами, где между старообрядцами и сектантами было тесное сотрудничество и взаимопомощь. В результате наибольшее распространение старообрядчество и старое русское сектантство получили в крупных промысловых и торговых селах, расположенных на торговых трактах, связывающих Пензен-

скую губернию с соседними, например, в Поиме, Чемодановке, Селиксе, Головинщине и так далее.

Ослабление гонений на раскольников и сектантов в конце XIX – начале XX в. вызвало резкое увеличение их числа, так как многие раскольники, скрывавшие свои взгляды, перестали это делать.

Многие причины распространения были у старообрядцев и сектантов общими. Например, бегство от преследований властей на окраины страны, местная плюралистическая культура, покровительство многих помещиков, влияние сектантов соседних губерний и так далее. Но были и другие причины. Так, в отличие от старообрядцев, чтящих именно обрядовую сторону религиозности, во многих сектах проповедовалась полная свобода действий, то есть жизнь по духу Евангелия, как сам сектант его понимает. Отсутствие постов, долгих молитвенных правил особенно привлекали в секты молодежь. Поэтому распространением многих сект в Пензенской губернии занимались преимущественно молодые люди. Другой причиной распространения сект было отсутствие регулярного духовного общения православных священников с жителями своих приходо-в. Бывая в деревнях и селах всего несколько раз в год и замыкаясь на отправлении обрядовых треб, священники имели гораздо меньшее влияние на население, чем сектантские наставники, часто и запросто общающиеся с народом.

Важной причиной в распространении сектантства было не только покровительство помещиков, основанное на экономическом интересе, но и то, что сектантов косвенно поддерживала сельская интеллигенция, относясь к православию или поверхностно, или с явным пренебрежением. Нередкими были случаи, когда представители интеллигенции, желая найти нечто необыденное в сфере духовной, сами вступали в состав сект.

Значительно большая активность сектантских проповедников по сравнению с православными священниками объяснялась тем, что часто мотивом деятельности священников была служебная обязанность. Мотивы же сектантов лежали почти всегда в сфере духовной, так как идея невозможности спасения

в миру или мысль о близости конца света толкали их к отрицанию официальной светской и духовной власти либо к «бегству из мира», как у секты бегунов.

Характерным был тот факт, что чем радикальнее была секта, тем более ее адепты старались не выделяться из православной среды. Так, например, хлысты, в отличие от молокан и жидовствующих, исправно посещали православные храмы, тщательно выполняя предписываемые обряды.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что на процессы распространения старого русского сектантства в определенном регионе, на взаимоотношения сектантов с духовными и светскими властями принципиальным образом влияли местные социально-политические особенности, культура и ментальность жителей региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буткевич, Т. И., протоиерей. Обзор русского сектантства / протоиерей Т. И. Буткевич. – СПб., Изд-во Тузова, 1859. – 566 с.
2. Дело о принятии мер против тайного распространения книги под названием «Вероисповедание духовных христиан, обыкновенно называемых молоканами» // ГАПО (Гос. арх. Пенз. обл.). – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 4621.
3. Доброклонский, А. П. Руководство по истории русской церкви / А. П. Доброклонский. – М. : Изд-во Крутицкого Патриаршего подворья, 1999. – 756 с.
4. Доклад Обер-прокурора Святейшего Синода // РГИА (Рос. гос. ист. арх.). – Ф. 804. – Оп. 1. – Д. 7.
5. Доклад Обер-прокурора Святейшего Синода // РГИА. – Ф. 797. – Оп. 97. – Д. 602.
6. Исторические сведения о молоканской секте // Православный собеседник. – Казань : Центр. тип., 1858. – 275 с.
7. Кесарев, Е., свящ. Вероучение молокан по их рукописным и печатным руководствам / свящ. Е. Кесарев. – Самара : Изд-во Сам. духовной консистории (Н. А. Жданова), 1905. – 217 с.
8. Клибанов, А. И. История религиозного сектантства в России (60-е гг. 19 века – 1917 год) / А. И. Клибанов. – М. : Политиздат, 1965. – 179 с.
9. Мельников, П. И. Белые голуби. Тайные секты / П. И. Мельников. – СПб. ; М. : Изд-во товарищества М. О. Вольф, 1897–1898. – 472 с.
10. Никольский, Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. – М. : Атеист, 1930. – 448 с.
11. Новицкий, Г. А. Духоборцы / Г. А. Новицкий. – СПб., 1890. – 282 с.
12. О доставлении сведений Пензенскому губернатору о секте «русские жиды» // ГАПО. – Ф. 182. – Оп. 1. – Д. 1157.
13. О крестьянах Кирее Попове и Матвее Лепехине, содержащих молоканскую секту и переселяемых в Сибирь // ГАПО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 3594.
14. О раскольниках Керенского уезда с. Кандеевки // ГАПО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 2516.
15. О раскольнике Петре Канобейцеве с. Кандеевки Керенского уезда // ГАПО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 2713.
16. Об открывшихся в доме казенного крестьянина города Мокшана Дивеева противозаконных сектаторских сборищ // ГАПО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 2760.
17. Пензенские епархиальные ведомости. (ПЕВ). Часть неофициальная. Изд. Пензенской епархии. – 1877. – № 15–16. – 80 с.
18. ПЕВ. Ч. Неофиц. Изд. Пензенской епархии. – 1887. – № 9. – 40 с.
19. ПЕВ. Ч. Неофиц. Изд. Пензенской епархии. 1895. – № 2. – 50 с.
20. ПЕВ. Ч. Неофиц. Изд. Пензенской епархии. – 1897. – № 15. – 40 с.
21. ПЕВ. Ч. Неофиц. Изд. Пензенской епархии. – 1913. – № 17. – 649 с.
22. ПЕВ. Ч. Неофиц. Изд. Пензенской епархии. – 1914. – № 17. – 649 с.
23. Переписка о крестьянах, перешедших в молоканскую секту // ГАПО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 2862.
24. Переписка о молоканах деревни Андреевки Чембарского уезда // ГАПО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 4265.
25. Плотников, К. История и разбор рационалистических сект / К. Плотников. – Пг. : Изд-во Фадеева, 1914. – 84 с.
26. Полное собрание законов Российской империи. – СПб. : Рус. кн. товарищество «Деятель», 1871. – Т. XVII. – 424 с.
27. Представление Пензенского совместного суда о крестьянине помещика Митькова Луке Петрове: совратившегося в молоканскую секту // ГАПО. – Ф. 182. – Оп. 1. – Д. 1158.
28. Рапорт о происшествиях по Пензенской губернии за 1 половину 1826 года // ГАПО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 1282.
29. Смолич, И. К. История русской церкви (1700–1917) / И. К. Смолич. – М., Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – Т. 2. – 341 с.
30. Собрание постановлений по части раскола. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1858. – 759 с.
31. Указы Правительствующего Сената. 1846 год // ГАПО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 2761.

**PECULIARITIES OF SECTARIANISM IN PENZA PROVINCE
THE FIRST QUARTER OF THE 19th CENTURY – THE EARLY 20th CENTURY**

V.A. Plotkin

This article analyzes the peculiarities of the Old Russian sectarianism in the Penza province. There are examined the economic and social factors contributing to the spread of sects, as well as measures against dissenters taken by the Government and local authorities for admonishing dissenters and bringing them back to Orthodoxy, along with repressive measures being applied too.

Keywords: *dissenters, Molokans, Dukhobors, Judaizers, Khlysts, spiritual admonition, official church.*